

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5508

Воскресенье 30-го декабря 1901 г.

№ 5508

Отчего море стонетъ?

(Восточная легенда *).

Шумитъ и реветъ Каспійское море; черный валъ, одинъ другого больше, одинъ другого ужаснѣе, сталкиваются съ валомъ, со стономъ поднимаются оба къ небу и разсыплются холодной и бурой пылью...

Море гремитъ, море бушуетъ... Вѣтеръ, страшный и рѣзкій, реветъ на части водную поверхность, море брызжется пѣной сѣдой и яростно стонетъ и стонетъ...

И страшно оно, это необозримое море, въ своемъ дикомъ гнѣвѣ; ни птица, ни звѣрь, ни человѣкъ не осмѣливаются близко подойти въ то время къ нему. Человѣкъ не выходитъ изъ своего жилища, звѣрь — изъ берлоги, птица — изъ древеснаго дупла. Все живое съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда кончится эта черная, непроглядная ночь, когда наконецъ, всемогущій Алла покажетъ природѣ свой сверкающій щитъ.

А чаще всего море бушуетъ по ночамъ, по холоднымъ осеннимъ ночамъ, и вотъ почему.

Много, много лѣтъ тому назадъ, когда славному восточному народу принадлежалъ весь міръ, и народъ этотъ счастливо обиталъ по берегамъ великаго Каспія, — море было спокойно.

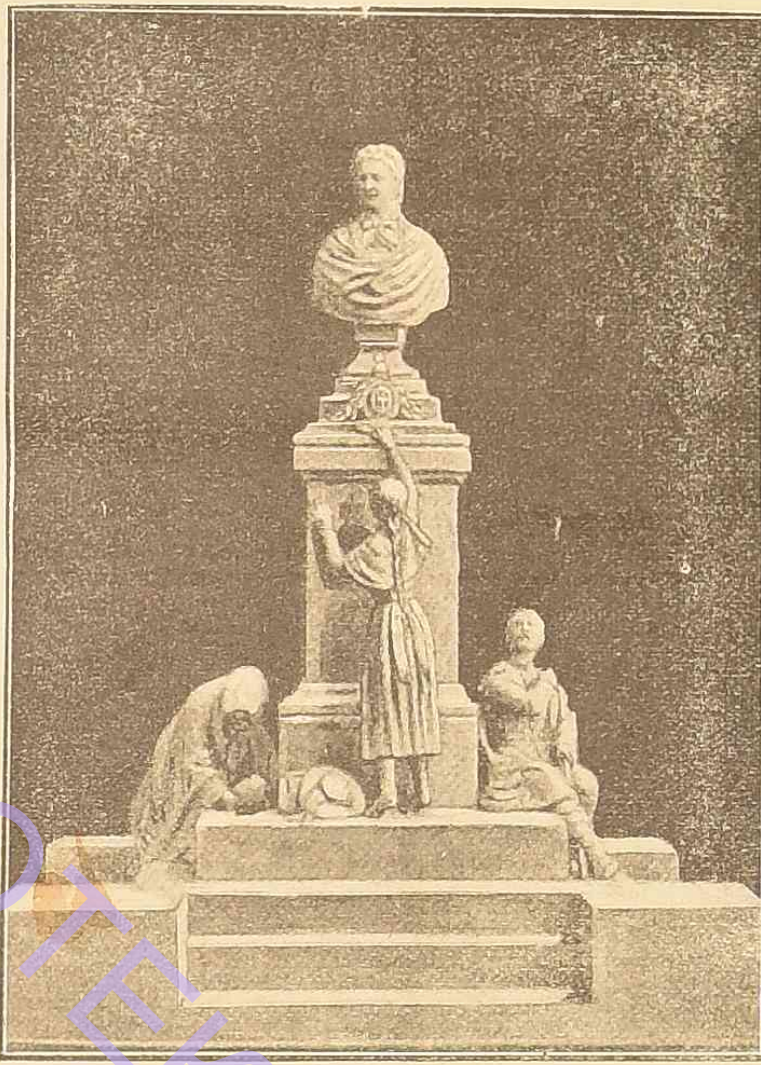
Никогда не шумѣло и не бушевало оно. Вода была чиста, прозрачна, какъ чудный янтарь, и цвѣтомъ своимъ напоминала ясное небо...

Поверхность моря была всегда равна и блестяща, какъ ровень и блестящъ дивный Аллаховъ щитъ; въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалась окружающая природа съ ея высокими горами, сонными лѣсами и мягкими, какъ бархатъ, лугами.

И никогда не искажалась чудная поверхность Каспія; если временами и налеталъ вѣтеръ, то, — мягкій, ласкающій, — онъ проносился по ней чуть слышно, любовно опасаясь взбудоражить морскую пелену, разстроить гармонию природы, ея красоту.

И красива была въ тѣ далекія времена природа: лѣсъ верхами своими утопалъ въ синевѣ неба, по цвѣтущимъ горамъ нѣжно скользили облака, окутывая на почв цвѣтники своимъ покровомъ, а нетронутыя никѣмъ ароматныя степи ласкали человѣчскій взоръ.

* Легенда эта напечатана г. Крашевницкимъ въ газ. „Курьеръ“.

Проектъ сооружаемаго въ Тифлисѣ памятника Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Ольгѣ Вѣодоровнѣ.

По всего красивѣй, обаятельнѣй и пышнѣй всей природы былъ дивный городъ восточнаго народа Алтайуль — золотой городъ. Такъ назывался онъ потому, что прекраснѣй его ничего не было сотворено рукой человѣка при святой помощи великаго пророка.

Весь городъ утопалъ въ цвѣтущей зелени липъ и березъ; дома были высоки и прямы; крыши домовъ были сдѣланы изъ чистаго золота, а въ окнахъ были вставлены для свѣта янтарь! Подлѣ каждаго дома находился обширный дворъ, полный лошадей и верблюдовъ. И совсѣмъ не такіе были въ то блаженное время лошади и верблюды: они были высоки и красивы, какъ только могутъ быть красивы творенія Аллаха. Они ничего никогда не бѣли, а постоянно давали правдивнѣйшимъ душистымъ кумысъмъ.

И жизнь народа протекала въ полномъ блаженствѣ; съ утра чудныя, какъ гурин, женщины приносили имъ въ золотыхъ кувшинахъ кумысъ, и правдивнѣе вили его сколько только хотѣлось и послѣ немедленно ложи-

лись отдыхать. Работать имъ никогда не приходилось, потому что природа подавала все въ готовомъ видѣ.

И славны были граждане Алтайуля, но славнѣе былъ одинъ человѣкъ въ городѣ. Человѣка этого звали Сулейманомъ. Старикъ былъ онъ, возраста ему было больше, чѣмъ въковому дереву; высокъ и прямъ былъ онъ, и длинная борода его горѣла серебромъ.

Откуда явился онъ въ восточный городъ — никто не зналъ, но былъ онъ здѣсь одинокъ, родныхъ у него никого не было.

Но сразу узнали его все граждане Алтайуля: когда появлялся онъ на почетной площади, взоры всехъ невольно обращались къ нему; и чудно было его строгое, блѣдное лицо. Всякій, кто только взглядывалъ въ его черные огненные глаза невольно опускалъ свои къ землѣ и чувствовалъ падушъ смущеніе.

Когда же онъ начиналъ говорить, то на звукъ его голоса сбѣгались отовсюду и мужчины, и женщины, и старики, и дѣти.

И все слушали мудраго Сулеймана. А говорилъ онъ гражданамъ новое, неслыханное никогда ими и даже сначала непонятное имъ.

Онъ говорилъ имъ, что они неправильно понимаютъ слова — добро и счастье, что счастье не въ томъ, чтобы жить и проживать свой вѣкъ, ничего не дѣлая, а счастье въ трудѣ.

— Совсѣмъ не добро, — говорилъ онъ, — пить весь день кумысъ и затѣмъ предаваться праздному отдыху, — добро, какъ и счастье, состоитъ въ постоянномъ упражненіи ума и тѣла, добро есть трудъ и работа.

И чудными и непонятными казались гражданамъ слова вѣщаго старика, но они глубоко западали въ душу и будили въ ней какія-то новыя, словно спавшія дотолѣ чувства.

И самъ подавалъ всѣмъ примѣръ собой дивный Сулейманъ. Онъ никогда не пилъ кумыса, никогда не предавался отдыху и во всю жизнь свою не зналъ женщины. Постоянно строгій, печальный и суровый къ самому себѣ, онъ неустанно работалъ по цѣлымъ днямъ. Кожа рукъ его загрубѣла отъ работы, но онъ все трудился и трудился. И дивный Алла все больше и больше удлинялъ нить его жизни на благо городу.

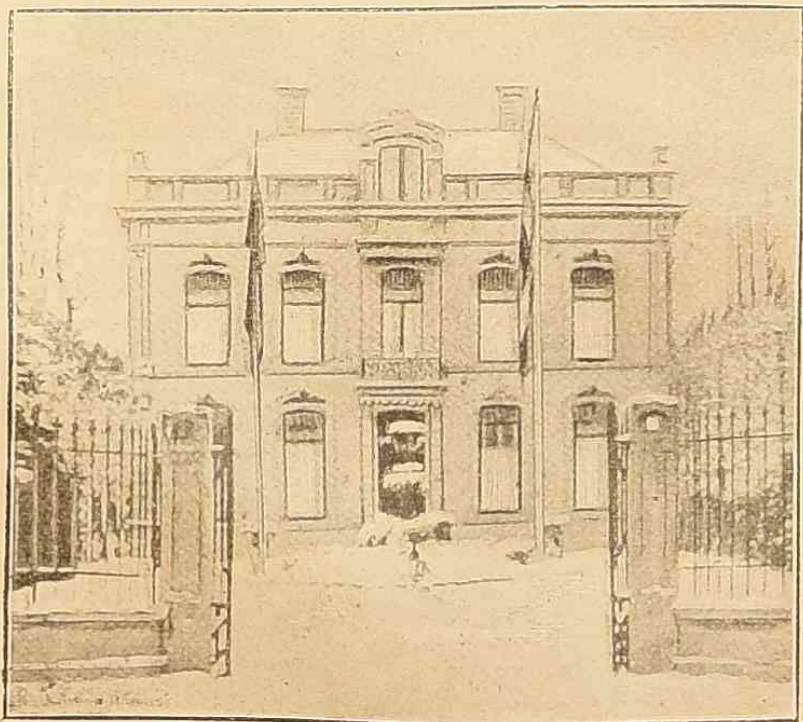
И граждане учились у него. У всякаго при взглядѣ на согбеннаго сѣдого старика, склонившагося надъ работою, невольно чувствовался на сердцахъ укоръ, и онъ шелъ помогать ему.

И не зналъ богатства и роскоши Сулейманъ; жилъ онъ на самомъ краю города въ устроенномъ имъ самимъ убогомъ жилищѣ; всегда спокойный, тихій, одѣтый въ претой черной кусокъ матеріи изъ верблюжьей шерсти, онъ, когда появлялся передъ дворцомъ хана, невольно останавливался на себѣ народныя взоры, и граждане кричали:

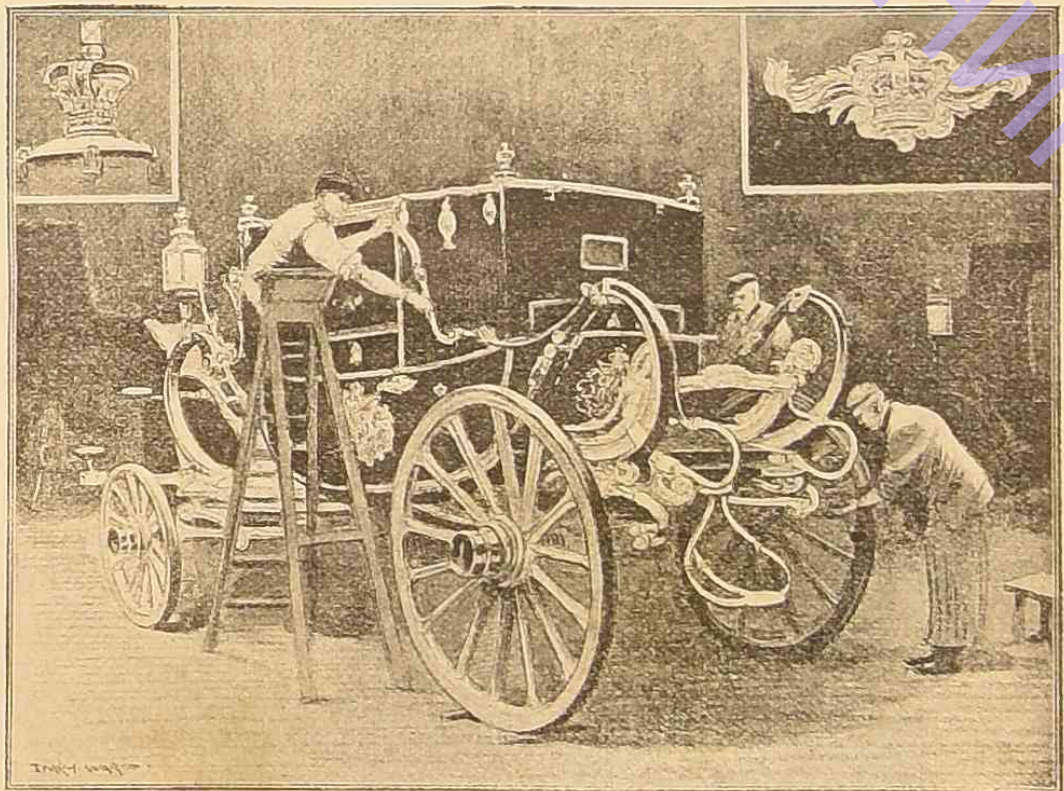
„Хвала и слава мудрому Сулейману! Хвала славному, почетъ мудрому“

И тогда выходилъ изъ своего двора добрый ханъ Шарисъ-бай и тоже любовался дивнымъ старикомъ. Онъ не разъ предлагалъ Сулейману золото и драгоценныя камни; но тотъ всегда уклонялся отъ подарковъ. Не любилъ онъ ни золота, ни серебра, ни камней, ни монетъ, которыми съ удовольствіемъ наряжали себя граждане, и ничего богатаго не держалъ въ своемъ убогомъ жилищѣ.

Но не одно тѣло упражнялъ въ работѣ могучій Сулейманъ. Умъ его находилъ также въ посполаніемъ дѣлнн: онъ писалъ мудрыя законы для жизни людей и сочинялъ стихи. Для послѣдняго онъ уходилъ на берегъ моря.

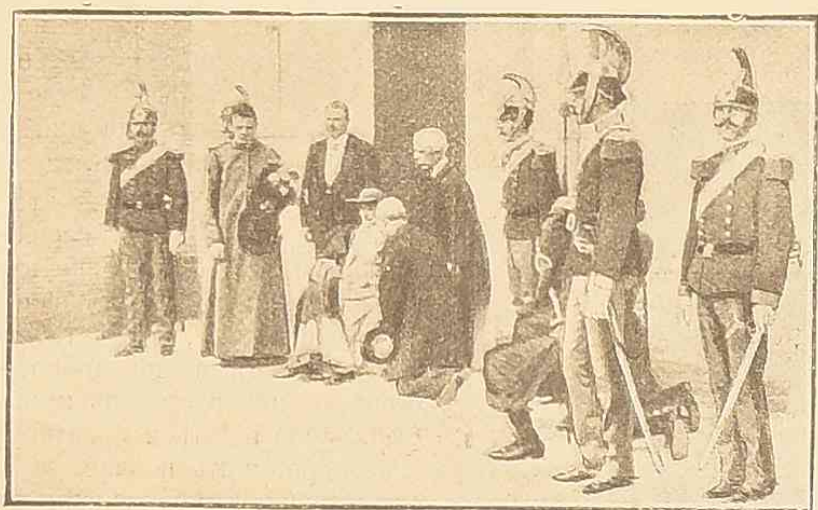
Новая резиденція Крюгера въ Утрехтѣ Голландія.

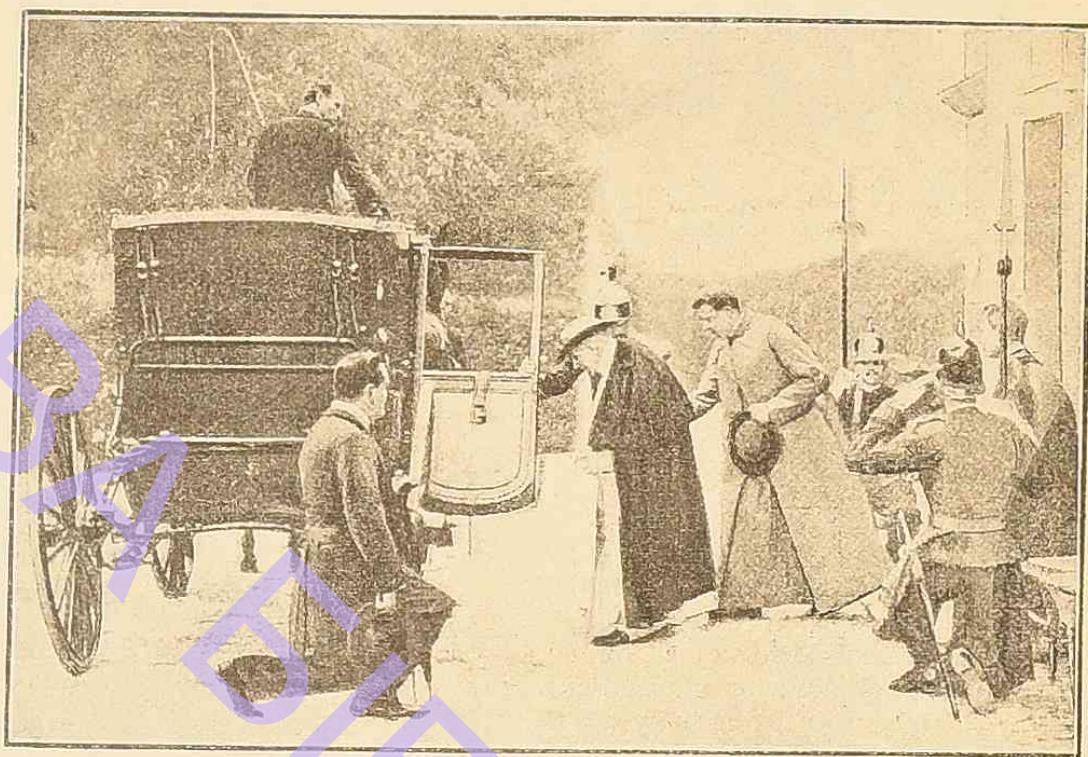
Снаряженіе парадной кареты къ коронаціи короля Эдуарда VII.

Тамъ онъ садился на обрывистомъ берегу и начиналъ играть на чудной свирѣли чибызгъ. И не одинъ гражданинъ видѣлъ, какъ на утренней за-

вились люди... Богатый снималъ тогда съ себя золотыя орасеты и кобца, свисавшія сзади, и отдавалъ ихъ за свирѣль чибызгъ. И не одинъ гражданинъ видѣлъ, какъ на утренней за-

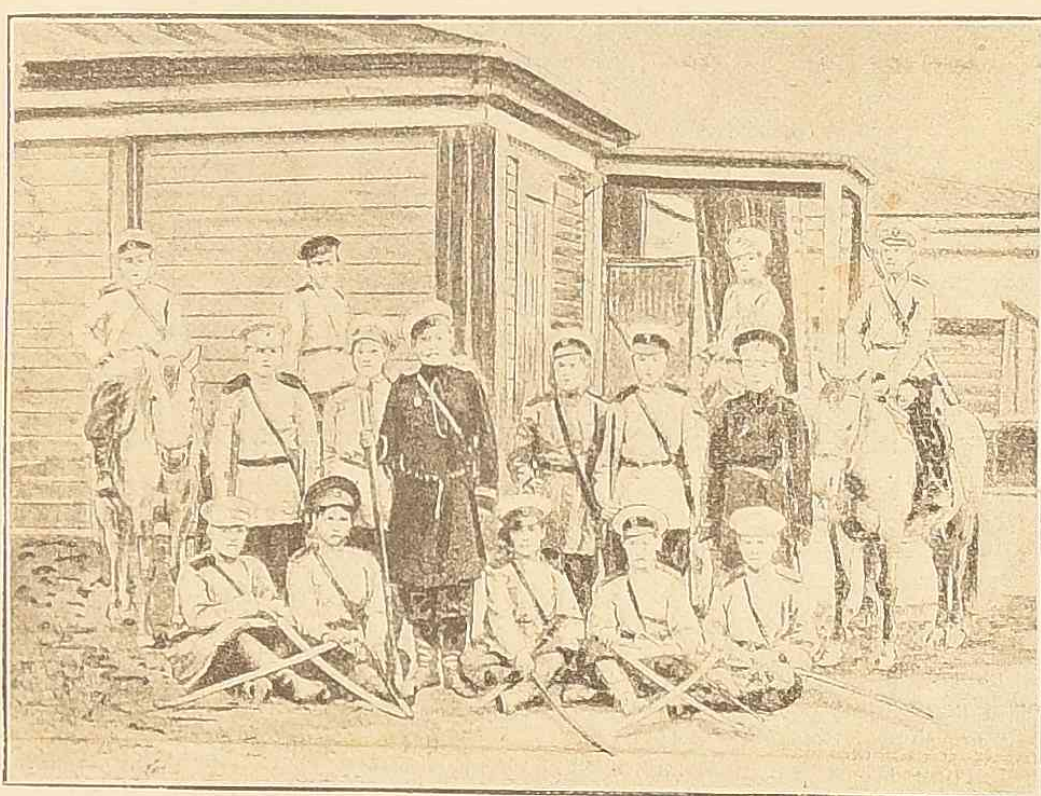
ВЪ ВАТИКАНѢ.—Папа въ ватиканскомъ саду

ВЪ ВАТИКАНѢ.—Прогулка въ каретѣ.

рѣ къ мудрому Сулейману выходилъ изъ морской пѣсни богъ широкаго Каспія - Майри, и они вмѣстѣ воспѣвали стихами глубокое море.

Любилъ это море Сулейманъ, вѣсь досугъ своей удѣлялъ онъ морю и пѣлъ его такими дивными пѣснями, что у гражданъ показывались на глаза слезы. И любилъ Сулеймана за его пѣсни властный морской богъ Майри, и часто тотъ видѣлся съ нимъ, а Сулейманъ говорилъ, даже сходилъ къ нему въ

Женщины — солдаты.

Во время бомбардировки Благовѣщенска мужское казачье население города и окрестныхъ селеній вѣло за оружіе, въ томъ числѣ всѣ мужчины поселка Верхне-Благовѣщенскаго. Для защиты отсутствующаго поселка вооружались женщины, которыя и несли пограничную казачью службу. Здѣсь изображенъ отрядъ, состоящій изъ женщинъ — казачекъ, съ поселковымъ атаманомъ во главѣ — единственнымъ мужчиной, оставшимся по служебнымъ обязанностямъ въ поселкѣ.

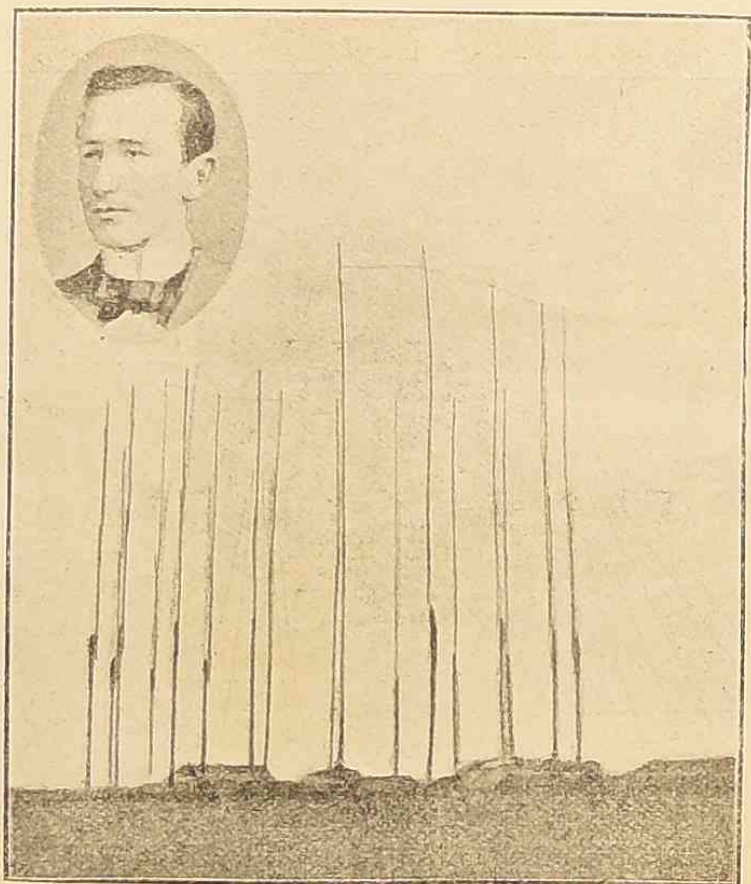

В. Т. Пашниковъ, † 23 декабря 1901 г.

подводное царство.

Когда это случалось, то по возвращеніи чудный старикъ становился еще обаятельнѣе, голосъ его казался слаще свирѣли, а слова страшнѣе Магометова грома.

И какъ олово подъ дыханьемъ огня, расплавлялись сердца у гражданъ полъ горячимъ потокомъ рѣчей вѣщаго старика, и добрый и лучше становился

Приемныя мачты на корнваллесскомъ берегу въ Англіи.

Марconi принимаетъ на Нью-Фаундлендѣ первую телеграмму изъ Англіи. Безпроводный телеграфъ черезъ Атлантическій океанъ.

Сандъ-паша, новѣй туркеній великій визирь.

и питье и все слушалъ и слушалъ... И мятежъ становился сердца у людей; дичше начинали они понимать любовь, ихъ помчали становились возвышеннѣй; души благодарнѣй. И на мѣсть безпечнаго, холоднаго смотажленія начали пышно цвѣсти ростки добродѣтели. Но позавидовали халекіе вельможи

средство есть: убить старика.

И содрогнулся добрый ханъ Идрисъ-бай, и застоналъ онъ, а потомъ сказалъ:

— Да, неужели у кого-нибудь поднимется рука на старика?

— Притомъ же и народъ возмутится, узнавъ о его смерти, — проговорилъ одинъ изъ вельможъ.

— Что народъ! — воскликнулъ съдой Кубугуль. — Мы сумѣемъ заставить его молчать.

— Нѣтъ! Нѣтъ! остановилъ его Идрисъ-бай. — Пока я живъ, старому Сулейману никто не посмѣетъ сдѣлать вреда. А ты, Кубугуль, стыдился-бы говорить такъ: у народа есть свои

Сулейману. — Уйди, чтобы не было у насъ какой-либо бѣды.

И долго долго смотрѣлъ въ глаза Кубугулу вѣщій старикъ, а потомъ сказалъ:

— Смерти и не боюсь, а дѣло мое уже сдѣлано. Попробуй вырвать съ корнемъ молодой дубъ... Вотъ каково мое дѣло.

И отправился Кубугуль въ чирый боръ и обратился къ живущему тамъ шайтану Кара.

— Помоги мнѣ, злой духъ, — просилъ онъ его. — Я принесъ тебѣ много золота. На эти деньги ты можешь купить себѣ сто тысячъ верблюдовъ.

И жадно схватилъ шайтанъ Кара

Адри Фуке, извѣстный французскій журналистъ. † 12 декабря 1901 г.

савѣ старика Сулеймана, не понравился имъ почеть, которая народъ окружала своего любимого учителя.

И горько жаловались они славному хану Идрисъ-баю:

— Удали отъ насъ старика, — просили они. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ появился въ нашъ городъ, не вкусь намъ стать ароматной кумисъ, не сладки намъ ласки нашихъ гурій. Все, чего мы только ни добились отъ народа своими стараніями о благодѣяніи, — все отнято у насъ этимъ сумрачнымъ старикомъ. Взгляни на него: онъ вѣдь какъ-будто гнушается нами, посмотри, онъ по часамъ сидитъ съ молодыми джигитами и не обращаетъ вниманія на насъ... Удали, удали отъ насъ старика.

— Куда же удалитъ? — спрашивалъ мудрый Идрисъ-бай. — Гдѣ мнѣ скрыть его, чтобы народъ его не видѣлъ?

И поинки съдѣлами вельможи и не знали, что сказать. Долго молчали они; наконецъ, самый старшій изъ нихъ, мулла Кубугуль, сказалъ: — Да его нигуда нельзя удалитъ. Народъ вездѣ отыщетъ его. Одно

Реформированная китайская армія. — Генералъ Ме-Тунъ-Ю, губернаторъ Тяньцзиня, и его войско.

права, и они святые.

И съ тѣхъ поръ еще больше затаилъ злоба на старика Сулеймана мулла Кубугуль и началъ замышлять противъ него зло и погубить.

— Уйди отъ насъ, — говорилъ онъ

цѣнь и крикнулъ:

— Чего ты хочешь отъ меня?... Я тебѣ сдѣлаю.

— Нашли смерть на старика Сулеймана — попросилъ мулла.

— Ой хой! — застоналъ шайтанъ. — Это невозможно.

— Постарайся, — убѣждалъ Кубугуль. — Я дамъ тебѣ три моихъ лучшихъ дѣвъ.

— Гей! — повторилъ Кара, — это невозможно: Сулейманъ сашкомъ святъ, чтобы я могъ воздѣйствовать на него.

— Ну, устрой какъ-нибудь, — умолялъ старшій Кубугуль. — Пока старикъ въ нашемъ городѣ, не сладокъ

Профессоръ І. Боасъ.

мнѣ сонъ, не пріятна мнѣ гурія мои.

— Вотъ что я сдѣлаю, — предложилъ злой Кара, — найду на хана Идрисъ-бая болѣзнь, послѣ которой у него отнимется память о старомъ Сулейманѣ. Онъ совершенно забудетъ про старика, и тебѣ можно будетъ его убить.

— Сдѣлай хоть такъ, — просилъ съдой мулла. А ужъ дѣвъ ты получишь.

И послалъ злой Кара на городъ бурю, а изъ бури вышоль кроликъ и побѣжалъ ко двору.

Ханъ Идрисъ-бай плалъ въ то время во дворѣ душистый кумисъ.

Увидавъ кролика, онъ вскрикнулъ: — Поймайте мнѣ этого чуднаго звѣрка. Я хочу видѣть его.

Но лишь только поднесли кролика къ хану, какъ тотъ вырвался изъ рукъ державшаго его и укусилъ Идрисъ-бая въ ногу.

Вскрикнулъ ханъ и откинулся на подушки. И четыре раза оборачивалъ дивный пророкъ вокругъ земли свои сверкающіе щипы, прежде чѣмъ Идрисъ-бай пришелъ въ чувство. А какъ поправился ханъ, то совершенно забылъ о мудромъ Сулейманѣ.

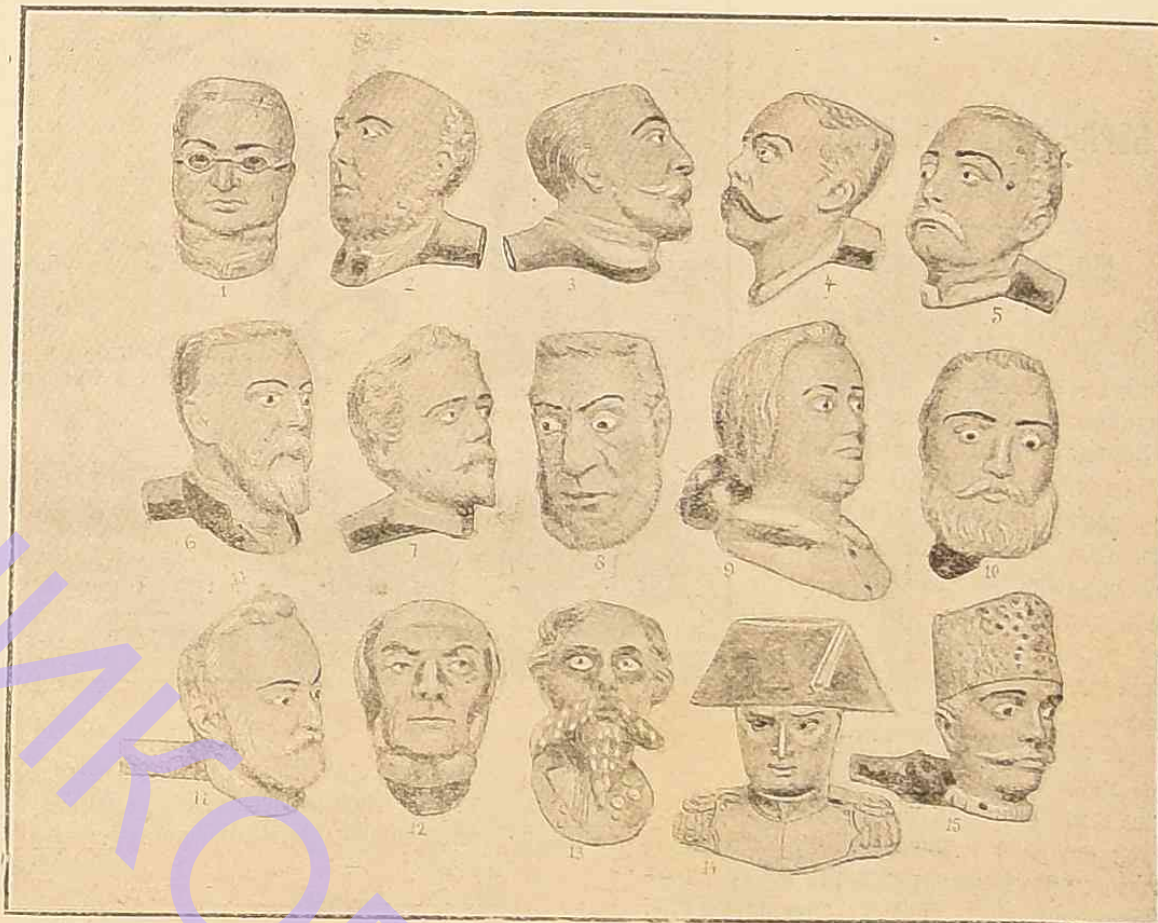
И началъ замышлять коварный Кубугуль погубить Сулеймана.

Полъ городомъ стояла разъ черная ночь. Красивый отблескъ шита Магометова (луна) убѣжалъ за гору, и въ городѣ было темно.

Въ эту ночь старшій мулла Кубугуль

На праздникъ на галлерей въ циркѣ.

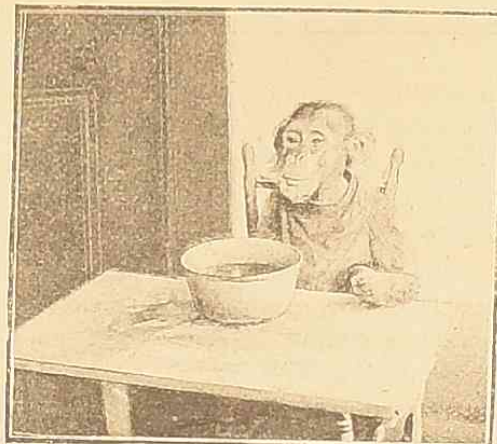

1) Тьерсъ. 2) Гренъ. 3) Карно. 4) Казимиръ Перье. 5) Феликсъ Форь. 6) Дуба. 7) Рошфоръ. 8) Крюгеръ. 9) Вальбакъ. 10) Гамбетта. 11) Викторъ Гюго. 12) Сладстоунъ. 13) Викторъ Эммануилъ I. 14) Наполеонъ I. 15) Шахъ персидскій.

Коллекція артистическихъ трубокъ Делькура въ Парижѣ, съ портретами разныхъ знаменитостей.

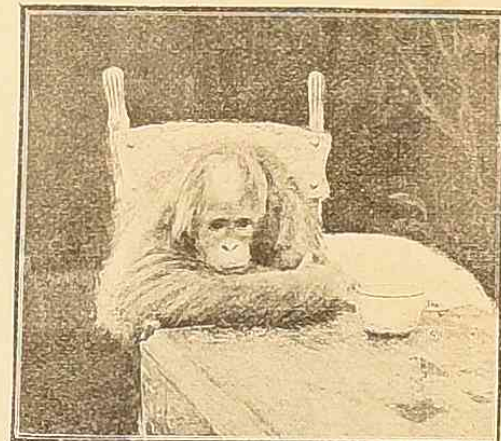
Неразлучные друзья.

Въ ожиданіи обѣда.

За обѣдомъ.

Послѣ обѣда.

ОБЕЗЬЯНА ЗА СТОЛОМЪ.

Обезьяна за столомъ.

пробирался со своими слугами въ ко-
нецъ города къ жилищу Сулеймана.

И когда хотѣли они войти въ домъ,
то послышался голосъ вѣщаго ста-
рика:

— Не входите. Я знаю, зачѣмъ вы
пришли, и выйду самъ.

И не остановило это убійцу. Какъ
только онъ вышелъ за порогъ дома,
они накинули на него петлю и заду-
шили.

И долго раздумывалъ старый Кубу-
гать, куда ему спрятать
трупъ убитаго Сулеймана,
и рѣшилъ бросить его въ
море.

И вскипѣло бурей лазур-
ное небо, и застоналъ мор-
ской богъ Майри, оплаки-
вая гибель Сулеймана.

А великій ханъ Идрисъ
бай такъ и не узналъ о
смерти дивнаго учителя.

И вотъ съ тѣхъ поръ
стонетъ и рошчетъ море...

И лазурная вода его ок-
расилась въ бурный цвѣтъ
кровью славнаго Сулеймана,
а спокойствіе его нарушено
навсегда...

И вотъ много, много лѣтъ
прошло со смерти великаго
старика, а море все сто-
нетъ и плачетъ, и надры-
вается...

А свирѣпый мореккой богъ
Майри до сихъ поръ не мо-
жетъ проетить людямъ Су-
леймановской смерти: море
бурлитъ и топить кораб-
ли, и все стонетъ, рыда-
етъ мореккой богъ...

Гибель властный Май-
ри... А попробуй проплыть
по широкому Каспію! Будъ
ты и совсѣмъ не прича-
стенъ къ смерти дивнаго
Сулеймана, все равно: гроз-
ный Майри схватитъ тебя
и потопитъ въ своей холо-
дной пучинѣ...

БЕРЛИНСКІЙ УЧЕНЫЙ
МІРЬ.

VIII. Проф. I. Боасъ.

Профессоръ I. Боасъ родился
въ Эсенѣ (въ Познанской про-
винціи) 28 марта 1858 г.,
штудировалъ медицинскія науки
въ Берлинѣ, Галле и Лейпцигѣ
и получилъ въ 1880 г. сте-
пень доктора медицины. Посвя-
тивъ себя сначала практиче-
ской врачебной дѣятельности, I.
Боасъ долгое время работалъ
подъ руководствомъ извѣстнаго
специалиста по желудочнымъ
болѣзнямъ, проф. Карла Эваль-
да, и основалъ въ 1886 г.
свою первую не только въ Берлинѣ, но и
вообще въ Германіи поликлинику для бо-
лѣзней желудка и кишечника. Эту же область
заболѣваній пищеварительныхъ органовъ
I. Боасъ сдѣлалъ своей специальностью,
создавшей ему чрезвычайно громкое и ав-

торитетное имя какъ въ ученюмъ мірѣ, такъ
и среди его многочисленныхъ пациентовъ и
учениковъ. Дѣйствительно, I. Боасъ въ от-
межеваніи имъ себя области какъ соз-
далъ свою особую школу, такъ и обогати-
лъ науку цѣлымъ рядомъ новыхъ мето-
довъ, составившихъ новую эру въ диагно-
стику и терапію желудочно-кишечнаго ка-
нала. Къ той-же области относятся и наи-
болѣе выдающіеся труды I. Боаса: „Диаг-
ностика и терапія желудочныхъ болѣзней“
и „Диагностика и терапія болѣзней кишеч-

Въ 1776 г. въ звѣринецъ принца Оран-
скаго въ Голландіи впервые была достав-
лена самка орангутанга. Орангутангъ былъ
родомъ изъ Борнео, но прежде чѣмъ попасть
въ Европу, онъ цѣлый годъ провелъ въ
домѣ какого-то богатаго англичанина, за-
нявшагося его воспитаніемъ. По этому эк-
земпляру ученые впервые узнали, что оран-
гутангъ—животное цивилизованное и за
обѣденнымъ столомъ держится не хуже

любого джентльмена.

Летва наши вполне пришлось по вкусу
этому четырехрукому. Въ своихъ родныхъ
лѣсахъ онъ былъ вегетеріанцемъ, но люди
его испортили, и ему стали больше нра-
виться мясо и рыба. Онъ пользовался ви-
лкой и ножомъ искусно, чѣмъ робинзон-
ской Пятница. Когда ему давали земля-
нику, то онъ бралъ ягоды вилкой, чинно
поддерживая другой рукой тарелку у под-
бородка. Его обычнымъ питьемъ была вода,
но онъ предпочиталъ вино. Онъ аккуратно

вытиривалъ штопоромъ пробку
изъ бутылки, пиливалъ бокалъ,
на капли не проливая на полъ
и осушалъ его, не проливая на
салфетку. Затѣмъ онъ вытиралъ
губы и принимался ковырять
въ зубахъ зубочисткой.

Въ наше время такіа бла-
говоспитаннаго обезьяны ника-
кой рѣдкости уже не состав-
ляютъ. Врѣмя въ своемъ извѣ-
стномъ трудѣ приводитъ цѣлый
рядъ примѣровъ, свидѣтель-
ствующихъ о томъ, какъ скоро
обезьяны акклиматизируются въ
человѣческомъ обществѣ и ус-
ваиваютъ всѣ наши привычки.

Разумѣется, даже этому ра-
зумнѣйшему животному пелегко
было приспособиться къ нашему
train de vie, сидѣть за сто-
ломъ, пить изъ чашки и ѣсть
ложкой, если-бы у него ужъ
въ дикомъ состояніи не было
кое-какихъ зачатковъ „культу-
ры“. Человѣкообразная обезья-
ны представляютъ первую сту-
пень перехода животнаго отъ
пользованія своими собственны-
ми органами къ владѣнію ору-
діями. Такъ, для защиты отъ
своихъ преслѣдователей оран-
гутангъ пускаетъ въ ходъ, въ
видѣ метательныхъ снарядовъ,
толстые сучья и колючіе лѣ-
сные плоды. Орангутангъ, между
прочимъ, единственное живот-
ное, которое устраиваетъ себѣ
на ночь правильную постель.
Изъ мягкихъ вѣтокъ и свѣжихъ
мелкихъ листьевъ онъ сооружа-
етъ себѣ ложе, укладывается
на этой импровизированной
кровать, свернувшись, какъ
человѣкъ, калачикомъ, пред-
варительно укравшись большими
листьями, изображающими наше
одеяло. Когда охотники его
выслѣживаютъ на деревьяхъ
орангутангъ поторопливо устраи-
ваетъ нѣчто въ родѣ прикрытія
съ отвѣрстіями, въ которыя онъ,
невидимый охотникамъ, самъ
зорко слѣдитъ за всѣми ихъ
движеніями.

Посѣтители берлинскаго му-
зея могутъ видѣть въ пемѣ и
эти обезьяны постели, и эти
укрытія. Листья и вѣтки
засохли, но искусная рука все
же видна.—та самая рука, кото-
рая неправильно орудуетъ ножомъ
и вилкой, бокаломъ и салфеткой.

Подписка на 1902 годъ
XVII годъ изданія XVII.

Большая ежедневная политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая газета

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ Одессѣ:
 На годъ . . . 10 р. —
 > 1/2 года . . . 6 р. —
 > 3 мѣсяца . . 3 р. 50 к.
 > 1 „ . . . 1 р. 20 к.

для иногороднихъ:
 На годъ . . . 12 р. —
 > 1/2 года . . . 7 р. —
 > 3 мѣсяца . . 3 р. 80 к.
 > 1 „ . . . 1 р. 30 к.

Допускается разсрочка въ подписной цѣнѣ. За
пересылку за-границу дѣлается къ подписной
цѣнѣ 60 к. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ и во
всѣхъ ея отдѣленіяхъ.

Главная Контора въ Одессѣ, Пассаажъ, уг. Дери-
басовской и Преображенской. Телеф. № 230.

ника“. Отмѣтимъ еще въ заключеніе, что
съ 1895 г. I. Боасъ издаетъ „Архивъ
болѣзней пищеварительныхъ органовъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ФОНОГРАФЫ
С. УТОЧКИНЪ

Магазинъ, Екатерининская площадь.